

Софья Андреевна Лоте
РАБОЧИЙ ВОПРОС В ЛИОНЕ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ
(По поводу одного конкурса,
объявленного аббатом Рейналем)

Французский ежегодник 1962

М.: Наука. 1963. С.50-60

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Рабочий вопрос в предреволюционной Франции был еще второстепенным с точки зрения общиесторического процесса, но в то же время был, естественно, связан со всеми проблемами развивающегося капитализма. Предпролетариат не мог осознать объективную необходимость и историческую прогрессивность развития капитализма и буржуазии. Буржуазия великомерно сознавала ценность рабочих как «орудия ее обогащения» и была убеждена, что рабочий придан ей навечно. Предпролетарий громил буржуа и расчищал буржуазии путь к власти. Буржуа мог жалеть предпролетария, но неизменно был беспощаден к предпролетариату. Поэтому даже самые гуманные представители буржуазии, естественно, не шли дальше филантропии в тех или иных формах и размерах. Эта сложная действительность отражалась, как в капле воды, в каждом проявлении социального опыта. Одно из таких бесчисленных отражений мы и хотим рассмотреть.

* * *

В 1782 году лионская Академия объявила конкурс на тему: «Причины упадка и процветания лионских мануфактур»¹. Конкурс был объявлен по инициативе и на средства знаменитого автора «*Histoire philosophique et politique des Établissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes*» («Философская и политическая история заведений и торговли

¹ Конкурс должен был ответить на три вопроса: 1) какие причины привели к процветанию мануфактур, прославивших город Лион? 2) каковы причины, могущие повредить лионским мануфактурам? 3) каковы средства, могущие сохранить и обеспечить их процветание (Bertholon (M. l'Abbé). *Du Commerce et des Manufactures distinctives de la ville de Lyon*. Montpellier, MDCCLXXXVII, p. V—VI). Лионская Академия, указывая в своем уведомлении о конкурсе, что тема предложена аббатом Рейналем и субсидируется им, писала, что «хотя она и патриотична, но все же локальна и ограничена и к тому же не имеет прямой и непосредственной связи с интересами человечества». Именно против такой точки зрения и возражал Бертолон (много занимавшийся конкретными проблемами производства), в частности, когда он утверждал, что ученые общества не уделяют внимания тому, что полезно для мануфактуры. «Спесивая гордость заставляет их пренебрегать всем тем, что могло бы быть полезным для общества, и уважать только праздные умозрения». Парижская Академия давно занимается практическими проблемами и создала уже много полезного, как, например, методы улучшения породы животных, дающих шерсть, и др. «Она не считает, что изучение различных процессов, протекающих в практической жизни, является предметом, чуждым настоящим наукам, которыми она занимается» (Bertholon. *Op. cit.*, p. 198—199).

европейцев в обеих Индиях») аббата Рейналя. Первую премию получило произведение аббата Бертолона, вторую — Мейе. Оба автора придавали большое значение вопросу рабочей силы. Поэтому указанные работы, относящиеся ко второму по величине городу Франции, приобретают большой интерес для изучения истории «рабочего вопроса» во Франции XVIII века.

Сочинение аббата Бертолона было одобрено самим инициатором конкурса Рейналем, которого Бертолон, кстати, множество раз цитирует. В силу этих обстоятельств нельзя отказаться от сопоставления некоторых высказываний Бертолона с вдохновившими его положениями Рейналя. В таком сопоставлении имеется и другой его смысл: Бертолон — ученый физик, близко занимавшийся вопросами промышленной практики; Мейе — выходец из семьи лионского буржуа, состоявший на службе у прусского короля в должности директора мануфактур, то есть целиком практик. Поэтому весьма интересно сопоставить высказывания по одним и тем же вопросам Рейналя, Бертолона и Мейе. Мы хотим сразу оговориться, что не рассматриваем концепций Рейналя, а приводим лишь отдельные его мысли для сравнения с высказываниями Бертолона и Мейе, а также рядовых участников лионского производства. Эти сопоставления, кстати, лишний раз подчеркивают, насколько обнаженно выявляется связь теории и практики в периоды общественных кризисов.

* * *

Основной проблемой накануне революции было, как известно, соотношение (социально-экономическое, политическое, моральное) сил капитализма и феодализма. Буржуазия, идеологически возглавлявшая наступление на феодализм, стремилась, естественно, определить свое место в обществе и свое понимание собственности. Одновременно возникал вопрос (и теоретический и практический) о соотношении свободы и равенства, поскольку это соотношение определялось формами собственности. От соответствующего решения этих вопросов зависел подход к рабочему вопросу.

Буржуазия, возглавляя поход против костности феодализма, считала себя представительницей всего нового общества. «Золото и серебро, — писал Рейналь, — развращают только праздные души... Но эти металлы занимают руки и пальцы рабочих... они побуждают в сельских местностях к воспроизводству, в приморских городах — к навигации, в центре государства — к производству оружия, одежды, мебели, зданий. Сладостно видеть всю Европу, населенную трудолюбивыми нациями, которые непрерывно движутся по земному шару, чтобы распахать его и освоить для человека; оживить животворным дуновением промышленности все семена природы... перекинуть между двумя полушариями... как бы воздушные мосты коммуникаций, которые соединят один континент с другим; следовать по всем дорогам солища; преодолеть временные барьеры... как ни восхищаться гением негоцианта!.. Ему нужно не меньше ума, чтобы ориентироваться в торговых нациях, чем Ньютону для наблюдения звездного неба, ибо от коммерсанта ничто не должно ускользать»². Но так как Ньютон кроме математического гения был вооружен еще телескопами, то приоритет коммерсанта несомненен. «Он (негоциант — С. Л.) должен предвидеть влияние времен года на изобилие, на недород, на качество продовольствия, на плавание судов; влияние политических дел на торговые революции, которые должны произвести война или мир в ценах и курсах товаров... последствия, которые может иметь для Афри-

² R a y n a l. Histoire philosophique et politique des Établissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes, t. IV. Genève, MDCCLXXX, p. 586—587.

ки и Америки падение европейского могущества в Индии... взаимозависимость между большей частью отраслей торговли»³. В недалеком будущем правительству будут заниматься вопросами экономики как важнейшими вопросами. Летописи народов будут писаться не «ораторами-историками», а «коммерсантами-философами»⁴. Бертолон восторженно вторит Рейналю, воспевая промышленный Лион, на площадях которого он предлагает воздвигнуть монументы «всем уважаемым людям, выдвинутым мануфактурами», а «не героям, опустошающим землю»⁵. («Промышленность хорошо развивается только под сенью мира», — писал Рейналь⁶). Однако Рейналь не только возносил восторженный гимн коммерции и коммерсантам, он верил в благотворительные результаты торговли для всех членов общества: «Ныне торговать... это значит создавать свое счастье вместе со счастьем своей родины или, верней, обогащаться, способствуя общему преуспеянию людей»⁷. В число «людей», естественно, входили и рабочие, но Рейналь говорил о благотворительности промышленности и специально для рабочих. «Ремесла притягивают достаточно рук благодаря богатствам, которые они доставляют предпринимателям и *удобствам, которые они предоставляют рабочим* (курсив наш. — С. Л.), достатку, удовольствиям и удобствам, которые возникают в городах, где сосредоточена промышленность»⁸. И это несмотря на признание тяжелого положения «рабочих и ремесленников»⁹ и «алчности тех, которые ее (торговлю. — С. Л.) ведут»¹⁰.

Переводя это противоречие на язык практики, Бертолон и Мейе заботятся об удешевлении товаров за счет зарплаты и одновременно отмежевываются от «купцов-кровопийц». Несмотря на восхваляемое Бертолоном и Мейе превосходство качества лионских шелковых изделий, оба автора единодушно приходят к выводу, наиболее ярко сформулированному Мейе: «Низкая цена рабочих рук — единственное преимущество, которого они (иностранцы. — С. Л.) не могут нас лишить»¹¹. «...Ясно, что ткани обязаны своим сбытом в остальной Европе главным образом низкой цене рабочей силы»¹², — говорит Мейе и добавляет: «Для фабрикантов Лиона крайне важно держать рабочих в постоянной нужде, в работе, целиком подчиненными их воле»¹³. Бертолон стоит на этой же точке зрения. «Помощь, которую предоставляет механизация, является средством уменьшить число рабочих, но этого еще недостаточно, надо, чтобы зарплата рабочих была наименьшей из возможных...»¹⁴. Однако

³ Raynal. Op cit, t IV p. 587.

⁴ Ibid., t. II, p. 2—3.

⁵ Bertholon. Op. cit., p. 126.

⁶ Raynal. Op cit, t. I, p. 403.

⁷ Ibid., t. IV, p. 587.

⁸ Ibid., p. 613.

⁹ Ibid., t. II, p. 12—13.

¹⁰ Ibid., p. 588.

¹¹ M a y e t. Mémoires sur les manufactures de Lyon. Paris, 1786, p. 38.

¹² Ibid., p. 37.

¹³ Ibid., p. 61.

¹⁴ Bertholon. Op. cit., p. 187. В других своих высказываниях Бертолон положительно оценивал роль машины в процессе удешевления рабочей силы, говоря, что «для придания материалу еще лучшего качества, а рабочей силе еще более низкой цены, нужны машины» (Ibid., p. 179). Это мнение было довольно распространенным. В одной из докладных записок о вокансоновском станке в числе погавленных избобретателем задач на первом месте стоит уменьшение стоимости рабочей силы (Ф. В. П о т е м к и н. Легенда и действительность в истории станка Жанкарда. — «Труды по новой и новейшей истории», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 304). Отметим, что в то время общественное мнение, и не только рабочих, могло еще видеть выход в отказе от использования машин. Так, когда несколько тысяч безработных чесальщиков и прядильщиков шерсти в Фалезе сожгли 12 ноября 1788 года вновь привезенную фабрикантом Дежарденом машину для прядения хлопка, королевский прокурор полагал, что единственный способ предотвратить беспорядки «в настоящем и на будущее — это

лионские мануфактуры вынуждены заботиться о сохранении своих высококвалифицированных работников. Это, конечно, понимает и Мейе («Важно привязать рабочего к своей профессии, заставить ценить ее») ¹⁵ и Бертолон («Если рабочий народ будет продолжать жить в тяжелой пужде, то нам неизбежно придется вскоре увидеть большой организм лионской фабрики, каким бы сильным и мощным он ни был сейчас, гибнущим от истощения») ¹⁶). Поэтому к пожеланию, чтобы зарплата была «наименьшей из возможных» Бертолон добавляет: «но всегда в рамках справедливости» ¹⁷, подразумевая под этим зарплату «наивозможно меньшую» (для предпринимателя) и «наивозможно ббльшую» (для рабочего) ¹⁸. Кажущееся противоречие находит свое объяснение в том, что Бертолон в первом случае говорит о номинальной зарплате, а во втором — как бы (почему «как бы», мы разясняем ниже) о реальной. «Если рабочие смогут меньше расходовать на свое содержание,— говорит он,— то их зарплата может быть меньшей, а их доход большим» ¹⁹.

Итак, номинальная зарплата не только не должна была повышаться, но скорее понижаться; реальная же зарплата должна была повыситься, по заявлению Бертолона, за счет отмены или понижения налогов и удешевления продовольствия и жилищ. Удешевление съестных припасов тоже должно было осуществиться в основном за счет налогов ²⁰. Таким

запретить употребление машин». Ницета прядильщиков была столь велика, что священник из Фалеза писал: «Рабочие, лишившиеся работы, уважали жизнь граждан и только голод заставил их действовать». Он просил помощи для 4 тыс. безработных. Ему вторил ингендант: «Ружья и пшкки не дадут ни хлеба, ни работы, и того и другого будет не хватать» (Ch. S c h m i d t. *La crise industrielle de 1788*.— «*Revue historique*», t. 97, 1908, p. 86). Можно не удивляться, что священник Сальмовиль ла Ривьер писал: «Давать хлеб должен ручной труд, машины следует оставить, как курьезы, на исключительный случай». (цит. по: M. B o u l o i s e a u. *Aspects sociaux de la crise cotonnière dans les campagnes rouennaises en 1788—1789*. Paris, 1956). Даже руанская Торговая палата высказалась прогив употребления машин в данных условиях, то есть в условиях кризиса (*ibidem*). Торговый совет, исходя, конечно, из прогивоположных позиций, уже с 27 ноября обсуждал меры, которые следует принять для того, чтобы воспрепятствовать повторению подобных фактов (B o n a s s i e u x et L e l o n g. *Procès-verbaux du conseil de la Commune et du bureau de la Commune. Inventaires analytiques*. Paris, 1960, p. 446)

¹⁵ M a y e t. Op. cit., p. 62.

¹⁶ B e r t h o l o n. Op. cit., p. 191 «В самом деле, что за жизнь у мастера-рабочего! Всегда он опережает восход зари и продолжает работу глубоко за полночь, чтобы иметь возможность компенсировать длительностью времени скромность недостаточной зарплаты. Можно сказать, что мастера-рабочие едят не столько для того, чтобы жить, сколько для того, чтобы не умереть. Все семейство живет или вернее теснится в маленькой каморке, воздух которой неизбежно пропитан миазмами. Множество болезней, порождаемых этими условиями, вынуждает шелкокачей зачастую ложиться в больницу не столько для того, чтобы обрести там помощь, сколько найти верное средство поскорей избавиться от горестного и мучительного существования. И это жизнь!» (*ibidem*).

¹⁷ *Ibid.*, p. 187.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Ibid.*, p. 188. Что зарплата регулируется минимумом потребностей, знали и теоретики (Тюрго, Неккер), знали и практики (Мейе, Бертолон и множество лионских предпринимателей). Тюрго говорил: «Зарплата рабочего равна тому, что ему необходимо для обеспечения своего существования». Неккер в ответ на вопрос, что является «вечным источником» нищеты народа, писал: «Право, которое имеют собственники, давать в обмен на полезную для них работу возможно меньшую зарплату, то есть ту, которая способна удовлетворять лишь самые ограниченные потребности» (N e c k e r. *Sur la législation et le commerce des grains*.— «*Collection des principaux économistes*», t. XV. Paris, 1848, p. 270). Мейе заявляет, что «цены на съестные припасы определяют цену рабочих рук» (M a y e t. Op. cit., p. 37).

²⁰ «Обложение предметов первой необходимости — это верх жестокости». Этим способом «бедного превращают в нищего; работника — в праздного человека; несчастного — в негодяя; а голодного, можно сказать, с помощью крайней нужды толкают на эшафот» (R a u p a l. Op. cit., t. IV, p. 37). Из-за высоких ввозных пошлин рабочий, например, вынужден всю неделю отказываться от вина, которое могло бы ему придать энергию и силу. Только по воскресеньям рабочие имеют возможность доб-

образом, удешевление рабочей силы должно было произойти за счет государства. Заявив, что «если мы сами лишим себя этого последнего преимущества (то есть дешевизны рабочих рук.— С. Л.), то все другие окажутся для нас бесполезны», Мейе распекает, однако, муниципальных чиновников, которые обязаны были бы позаботиться о здоровье народа и дать ему возможность при столь тяжелых условиях хорошо питаться. Между тем дороговизна съестных припасов заставляет рабочего выбирать наихудшие продукты. «Отсюда эта толпа несчастных, которые ежедневно хоронят себя в этой огромной могиле — больнице и тем самым подрывают одновременно и это учреждение и фабрику»²¹. Однако постановка вопроса о снижении цен на съестные припасы преследовала не столько цели поднятия реальной зарплаты рабочего, сколько снижения его номинальной зарплаты, то есть расходов предпринимателей. Это видно из того, как сочувственно относится Бертолон к рассказу Ле Жантиля.

Ле Жантиль в книге «Путешествие в моря Индии» рассказывает, что туземцы «очень терпеливы и ловки», их «рабочая сила» почти ничего не стоит, ибо они «довольствуются немногим, горстью риса и куском холста (курсив наш.— С. Л.), а все это имеется по наинизшим ценам... Таковы в Индии причины низкой цены рабочей силы; этот пример имеет огромное значение для лионской фабрики»²².

Правда, Ле Жантиль все время говорит о «воздержанности» индийских рабочих. «Они проявляют чудеса терпения в работе»²³, «...индусы проявляют чудеса терпения во всем»²⁴. А Бертолон обрывает цитату из Ле Жантиля перед словами: «Правда, эти люди, питающиеся столь скудно, не способны долго сопротивляться усталости... Они производят очень мало, и работа их продвигается только в силу их многочисленности и терпеливости...»²⁵.

Итак, основное, что отмечается в приведенных рассуждениях об индийских рабочих,— это воздержанность, крайняя умеренность их потребностей (вот почему мы говорили, что Бертолон говорит *как бы* о реальной зарплате).

О такой умеренности лионского рабочего (желательной для Бертолона и Мейе и вынужденной для рабочего) прямо говорит Мейе: «Но что наиболее способствовало понижению цены лионских материй,— это низкая цена рабочей силы..., и эта причина сама имеет две примечательные причины: активность и *воздержанность* (курсив наш.— С. Л.) лионского рабочего»²⁶. Бертолон в сущности говорит то же самое: «Если вы хотите, чтобы ваши мануфактуры процветали, чтобы этот столь нищий народ жил в достатке..., а его труд был искусным, его изделия — без изъяна..., пусть они (рабочие.— С. Л.) станут вашими заботами настолько счастливыми, насколько они могут быть счастливыми»²⁷ (курсив наш.— С. Л.). Мейе тоже считает необходимым во имя сохранения квалифицированной

раться до окрестных деревень, где вино намного дешевле (в силу отсутствия ввозной пошлины.— С. Л.), чтобы «сбросить с себя бремя своей нищеты, утопить в вине свои горести, позабыть о своей работе. При этом случаются эксцессы, которые не имели бы места, если бы рабочий не был вынужден отказывать себе в этом укрепляющем напитке в течение шести дней, эксцессы, которые ухудшают его здоровье и вредят его состоянию» (Bertholon. Op. cit., p. 189). Мейе считает губительными высокие ввозные пошлины на вино еще и потому, что оно не вызывает, «подобно воде, ту обильную испарину, которая иногда столь вредно связывается на качестве материи» (Mayet. Op. cit., p. 39).

²¹ Mayet. Op. cit., p. 38.

²² Цит. по: Bertholon. Op. cit., p. 190—191.

²³ Le Gentil de la Galousière. Voyage dans les mers de l'Inde. t. I. Paris, 1779—1781, p. 168.

²⁴ Ibid., p. 68.

²⁵ Ibid., p. 169.

²⁶ Mayet. Op. cit., p. 27.

²⁷ Bertholon. Op. cit., p. 191—192.

рабочей силы понизить налоги и цены на предметы первой необходимости, а также организовать кассы помощи и кассы поощрения, о которых пойдет речь ниже. Но и Мейе и Бертолон так же, как Неккер и Тюрго, как Рейналь и рядовые буржуа, считают низкий (по сравнению с другими классами) уровень жизни рабочих естественным и неизменным. Тюрго говорит о «простых ремесленниках», «не имеющих иной собственности, кроме ежедневно авансируемого ими труда, а в качестве прибыли имеющих лишь свою зарплату»²⁸.

Неккер говорит, что «могущество собственников зиждется на большой конкуренции последних (не собственников.— С. Л.) и главным образом на необычайном неравенстве, которое существует между людьми, продающими свой труд, чтобы как-то прожить день, и теми, кто его получает, чтобы просто увеличить свою роскошь и свои удобства. Одни прижаты моментом, другие отнюдь нет; одни всегда будут издавать законы, другие всегда будут вынуждены им подчиняться. Различию этих отношений следует приписать могущество собственника над человеком без собственности. Это могущество вечно»²⁹.

Рейналь пишет: «Повсюду богатые хотят заполучить как можно больше бедных при небольших издержках, и повсюду бедные хотят высокой цены своего труда; богатый всегда будет законодателем на этом крайне неравном торжище»³⁰. Мейе говорит об «умеренности», сестре нищеты, к которой мы его *приговорили*³¹ и много раз повторяет, что рабочий не должен иметь ничего сверх того, «что ему необходимо»³². Рабочему в силу его социального положения должна быть присуща «воздержанность». Гримо де ла Рейньер, воспевая родной Лион, пишет: «Промышленность здесь доведена до верха совершенства. Рабочая сила дешева и здесь производят чудесные предметы при скромных затратах. Рабочий довольствуется небольшим барышом...»³³.

Таким образом, рабочему полагается известный достаток, чтобы его можно было полноценно использовать, но именно только в этой степени и до этого предела. Этот уровень совпадает с тем, который предопределен рабочим на социальной лестнице и выше которого они не могут подняться. Пусть рабочие будут «настолько счастливыми, насколько они могут быть счастливыми». Для индийцев этот уровень, видимо, определяется «горстью риса и куском холста». Для лионского рабочего он определяется тем, чтобы рабочий не обессилел окончательно, но и не мог бы ни одного часа обойтись без работы. «По мере того как рабочий обогащается, он становится требовательным в выборе работы и ее оплаты. Если необходимость перестанет принуждать рабочего брать работу по любой предлагаемой ему цене, если он сумеет избавиться от этого рода рабства, если его доходы превысят его потребности настолько, что он сумеет существовать некоторое время, не продавая свои руки,— то он употребит это время для организации заговора»³⁴, иными словами, досуг рабочего вреден для общества. Таким образом, по мнению Бертолона и Мейе, желательный уровень достатка рабочего снизу лимитируется необходимостью сохранить квалифицированную рабочую силу, а сверху — нежелательностью предоставить рабочему досуг.

Итак, минимальное улучшение положения лионских рабочих не долж-

²⁸ T u r g o t. *Réflexions sur la formation et la distribution des richesses.*— Oeuvres de Turgot, t. I. Paris, 1844, p. 39.

²⁹ N e c k e r. Op. cit., p. 270.

³⁰ R a y n a l. *Tableau et Révolution des colonies anglaises*, t. II, p. 38.

³¹ M a y e t. Op. cit., p. 62—63.

³² *Ibid.*, p. 60.

³³ G r i m o d d e l a R e y n i è r e. *Tableau de Lyon en 1786. Documents rares ou inédits* publ. par P. M. Gonon. Lyon, 1847, p. 8.

³⁴ M a y e t. Op. cit., p. 60.

но было осуществляться за счет прибылей предпринимателей и нарушать определенный уровень «умеренности»³⁵, к которому «приговорены» рабочие. Повышение номинальной зарплаты, как мы упоминали, Бертолон и Мейе считали недопустимым, так как это удорожило бы стоимость товаров и ухудшило бы их конкурентоспособность. А это было во вред обществу, явно «не патриотично»³⁶.

Ратуя, как и Бертолон, за снижение налогов, Мейе выдвигает также предложение «создать кассу помощи для рабочих, в которой фабриканты участвовали бы по количеству станков». Сопряженная для фабрикантов с небольшими затратами, она давала бы в то же время им «возможность увольнять и вновь принимать рабочих согласно их потребности и не видеть больше в определенные периоды, как нищета и голод осаждают их двери, или навсегда отнимают у них основное орудие их обогащения». И здесь Мейе ищет оправдания своей политике заработной платы. Проект кассы помощи для поддержания рабочего в течение «этих периодов непредвиденного затишья, которым подвержены лионские мануфактуры», соответствует в равной мере «интересам и человечности и мануфактур»³⁷.

«Мы пишем здесь только для людей гуманных, просвещенных. Было бы прискорбно, если бы мы так плохо выразились, что казались бы людьми, подстрекающими этих жадных кушцов, этих безжалостных кровопийц, которые жиреют, выжимая пот из бедняков, которые злоупотребляют своей властью над рабочим, заставляя его погибать от работы и истощения... Мы надеемся, что нас не спутают с этими варварами... Касса помощи, о которой мы говорим, и касса поощрения, которой мы собираемся ее дополнить, должны убедительно доказать это». Речь идет о кассе поощрения (фонд которой мог бы быть составлен сообща королям, городом и купцами), и «которая держала бы его (рабочего) в напряжении в периоды, когда фабрики более всего в нем нуждаются»³⁸.

В 1786 году в соответствии со своим отношением к рабочему вопросу предприниматели ответили на требование шелкоткачей о повышении тарифа на два су жесткой расправой, между тем как благотворительность была распространена в Лионе сравнительно широко³⁹, ибо предприни-

³⁵ Говоря о губительной эмиграции квалифицированных рабочих, Бертолон заявлял: «Вы не сможете их удержать статутами и цепями (эти преягсивия всегда слабее, нежели отчаяние), а только достатком и довольством». Тут же ссылка на Рейналя, который говорит о необходимости создания «достаточно мягких условий, чтобы их (рабочих. — С. Л.) закрепить за областями, в которых они родились (V e r t h o l o n o. ц. Op. cit., p. 192). Не следует забывать, однако, что «достатком» для рабочих в данном случае считался низший предел жизненно необходимого.

³⁶ Считая себя представительницей всего общества, буржуазия в противовес дворянству, естественно, подчеркивала свой патриотизм. «В Париже спешат, толкаются, потому что бездельничают, здесь (то есть в Лионе) ходят степенно, потому что заняты. *Коммерсант должен любить свою родину, рантье любит только себя*» (курсив наш. — С. Л.) (G r i m o d d e l a R e u n i è r e. Op. cit., p. 87). Плебс протестовал против притязаний буржуа на интеллектуальную и моральную исключительность. Так, когда в Лионе в январе 1789 года нотабли обсуждали условия выборов, были отмечены «дерзкие выкрики». Наряду с возгласом: «деньги не являются мерой добродетели» раздавались и другие: «богатство не придает просвещенности», «патриотизм присущ людям всех рангов» (L. T r é n a r d. La crise sociale Lyonnaise à la veille de la Révolution. — «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1955, t. II, janvier—mars, p. 42).

³⁷ M a y e t. Op. cit., p. 62—63.

³⁸ Ibidem.

³⁹ В 1771 году в Лионе с января по август ежедневно в порядке благотворительности раздавали 20 тыс. порций супа, хотя каждый получал его только один раз в неделю (G o d a r d. L'ouvrier en soie. Lyon. Paris, 1899, p. 239). Город гордился своей больницей, в пользу которой в марте 1787 года была устроена подписка на предмет установки 300 дополнительных кроватей. Добавочные кровати нужны были для того, чтобы больные могли лежать по одному. Причину того, что в городской больнице в Париже в 1785—1786 годах из каждых 100 больных умирало 17 человек, а в Лионе «лишь» 8, лионцы находили в том, что в их больнице на одну кровать никогда не укладывали больше двух человек, между тем как в Париже на одну кровать помещали

матели были заинтересованы в сохранении кадров квалифицированной рабочей силы⁴⁰. Так, 19 июля 1787 года консулат обсуждал положение, создавшееся в шелковой промышленности, которая переживала глубокий спад. В постановлении говорилось: «Встревоженные сим злосчастным событием (резкий недостаток шелка-сырца.—С. Л.), кое неизбежно ввергнет в совершенное бездействие и в ужасающую нужду множество людей, существующих только благодаря работе мануфактуры, мы должны срочно принять меры предосторожности, дабы сохранить в нашем городе столь ценные руки...». Консулат постановил созвать собрание мастеров-купцов для объявления «подписки в пользу безработных рабочих». Подписка была открыта в сентябре месяце, и купеческий старшина Толозан «ничем не пренебрегал, чтобы возбудить усердие благотворителей»⁴¹.

* * *

Теория предопределенности низкого уровня («воздержанности») рабочих соответствовала принципу «умеренности» восходящей буржуазии, которая, противопоставляя себя тунеядствующему дворянству, мнила себя представительницей творческого начала — трудолюбия. «Промышленность,— говорил Рейналь,— может породить пороки, но она по крайней мере чужда пороку праздности, который в тысячу раз опаснее»⁴².

Рабо Сент-Этьен рассказывает о встрече со съехавшимися из провинции представителями третьего сословия — буржуа. Им показывали дворцовые постройки, роскошь которых казалась им баснословной. Они явно чувствовали себя представителями людей созидającego труда. И в ответ на слова о многомиллионной стоимости изысканных построек, они твердили: «Это великолепие — продукт народного пота»⁴³.

В борьбе с феодальной собственностью буржуазия, как известно, противопоставляла не только трудолюбие тунеядству, но и свободу рабству. «Промышленность,— писал Рейналь,— больше всего страшится рабства», ибо оно не допускает свободы соревнования⁴⁴. Мейе, упоминая о вреде, наносимом скупщиками шелка, утверждает, что монополисты с легкостью могут уничтожить самый цветущий город. «Только соревнование может

семь-восемь больных («Journal de Lyon», 4 avril 1787. Lyon de 1778 à 1786.— «Notes et Documents publ. par A. Metzger et révisés par J. Vaesen». Lyon, 1888). В Лионе был выдвинут ряд проектов помощи безработным и нуждающимся шелкоткачам: создание кассы помощи путем внесения купцами небольших сумм с каждой штуки выканного материала; создание аналогичной кассы, но основанной на средстве, поступающее от финансовых операций, а также организация ломбарда (E. Paris et. Histoire de la Fabrique Lyonnaise. Lyon, 1901, p. 248). Поощрения также не были новостью и практиковались во многих местах. См. Frém y. Histoire de la manufacture royale des glaces en France de XVII et XVIII ss. Paris, 1909, p. 315—316; E. Levass eur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, t. II. Paris, 1901, p. 804. Проект 1787 года см. «Presse Medicale», 1958, № 21, p. 471.

⁴⁰ «Очень похоже на то, что его (консулата.—С. Л.) благотворительная акция объясняется прежде всего боязнью мятежей» (Kleinclausz. Histoire de Lyon, t. II, p. 247). Несомненно, что помимо необходимости сохранить квалифицированную рабочую силу, побудительной причиной благотворительности был и страх перед рабочими выступлениями. Так, еще в 1709 году купеческий старшина Лиона г. Рава, сообщая о росте недовольства «черни», писал: «Никто не будет в безопасности... Это будет внутренняя война в пределах королевства, но ее следует опасаться куда больше, чем той, которую мы ведем с неприятелем». Письмо Рава от 2 апреля 1709 года см. Boislisle et Bretonne. Correspondance des controleurs généraux des Finances avec les intendants des provinces (1683—1715), t. III, N 338, p. 141.

⁴¹ «Notes et Documents publ. par A. Metzger et révisés par J. Vaesen», p. 89.

⁴² Raynal. Histoire..., t. IV, p. 618.

⁴³ J. P. Rabaut. Précis historique de la Révolution française. Paris, 1822, p. 108—109.

⁴⁴ Raynal. Histoire..., t. I, p. 403. Римляне «подчиняли народы единому игу», а «не объединяли их торговлей», поэтому спокойствие, которое они предоставляли подчиненным, «было в сущности летаргией» (ibid., p. 7).

придать активность фабрикам и усовершенствовать мастерство работы. *Это соревнование может быть порождено только равным распределением богатств и возможностей* (курсив наш. — С. Л.), и ничто не в силах так легко загасить его, как монополия»⁴⁵. Под равным распределением богатств здесь имелась в сущности в виду непривилегированная, свободно поступающая в оборот собственность. Если у Мейе речь идет здесь лишь об управительной фразеологии, то нельзя упускать из вида, что *вопрос о свободе как теоретически, так и практически, что нашло яркое выражение в социальной борьбе в Лионе, неотделим от соотношения свободы и равенства*. Не вдаваясь в теоретическое рассмотрение этого вопроса, необходимо напомнить, что при полной свободе экономических сил не может быть полного равенства ни имущественного, ни политического, а при полном равенстве экономических сил (осуществимом только на основе обобществления частной собственности) может существовать полная свобода имущественная и политическая. Таким образом, между полной свободой и полным равенством экономических условий уместается целая гамма социальных отношений⁴⁶.

Существовавшие между предпринимателями и рабочими (в данном случае между мастерами-купцами и мастерами-рабочими)⁴⁷ разногласия по вопросам порядка найма и установления платы за труд сводились к вопросу о реальной и формальной свободе, то есть к соотношению «свобода — равенство», которое буржуа и рабочие понимали, конечно, по-разному. Заявление Трюдена, что «рабочие покорны лишь параграфам своих собственных соглашений»⁴⁸, звучит как будто весьма свободолобиво. Однако рабочие с самого начала требовали обуздания в законодательском порядке предпринимательской алчности. Лионские купцы рассуждали так же, как Трюден: «К чему тариф? Мастера (рабочие. — С. Л.) должны просто отказаться от цены за штуку, которую им предлагают:

⁴⁵ Mauret. Op. cit., p. 57.

⁴⁶ Во время революции вопросы уравниательства оказались, с одной стороны, тем рвом, который разделил буржуазию и санкюлотство, а с другой стороны, тем мостом, который связал воедино различные группы санкюлотского блока — мелкую буржуазию и рабочих. Как известно, именно тогда, когда плебс наиболее решительно выступал против буржуазии, он объективно расчищал путь к утверждению ее власти. То, что некоторый налет уравнительской фразеологии был для буржуазии лишь тактическим оружием в борьбе с феодализмом, доказало ее быстрое отрезвление во время народных выступлений Великой революции. В сентябре 1794 года Шаль с полным правом мог сказать: «Буржуазия относится к равенству так, как эмигранты Кобленца — к республике» (Claude Pichois et J. Dautry. Le conventionnel Charles et ses idées démocratiques. — «Annales de la Faculté des lettres d'Aix», nouvelle série, № 20, 1958, p. 78).

⁴⁷ Лионская шелковая промышленность была организована по типу рассеянной мануфактуры. Предпринимателями были мастера-купцы, которые сдавали работу мастерам-рабочим, оплачивая ее поштучно. Мастер-рабочий работал на своем станке со всей семьей, но нанимал также подмастерьев и «подсобниц». Мастера-купцы, пользуясь тяжелым положением обедневших мастеров, ставших мастерами-рабочими, жестоко эксплуатировали их. Мастер-рабочий платил подмастерью определенную часть (обычно половину) от платы, получаемой им от мастера-купца. Общая нужда и общая зависимость от купца объединяла против последнего мастеров-рабочих и подмастерьев. Шелкогачи требовали свободного выбора работодателя и установления тарифа, чтобы оградить себя от понижения заработка ниже возможного. Эта борьба не прекратилась и после подавления восстания 1786 года. 27 ноября 1788 года Государственный торговый совет рассматривал жалобу лионских мастеров-рабочих на то, что большинство мастеров-купцов уменьшают «обычную цену рабочей силы». Они требовали установления тарифа, который определял бы «цену за штуку материи» (Bonassieux et Lelong. Op. cit., p. 464).

⁴⁸ В 1776 году в письме к Трюдену интендант просил препроводить в Тайлан двух рабочих, которые ушли на другое предприятие. Трюден ответил, что рабочие не являясь во Франции рабами и что «они покорны лишь параграфам своих собственных соглашений» (Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790. Puy-de-Dôme. Archives civiles, série C, t. 1, p. 423).

они имеют полную свободу не брать плохо оплачиваемую работу» (курсив наш.—С. Л.). На это мастера-рабочие отвечали в мемуаре 1780 года следующим образом: «Они, кушцы, знают, что мы обладаем лишь *видимостью этой свободы*. Никакой регламент не обязывает нас работать по низкой цене, но самый неумолимый из всех законов — закон нужды навязывает нам эту жестокую необходимость: наши мастерские — не крепости, которые трудно покорить голодом. Каждый день надо жить и каждый день нужна работа». Под этим мемуаром стояло только 40 подписей, но была приписка: «Мы могли бы собрать подписи всех мастеров (то есть мастеров-рабочих.—С. Л.), но удовлетворились подписями нескольких, наиболее известных»⁴⁹.

Еще более ярко эта мысль была выражена в 1786 году в мемуаре лионского мастера-рабочего: «Для людей, обладающих равенством средств и возможностей и не могущих в виду этого оказаться под властью других, свобода может быть только выгодной. Но рабочих, повседневное существование которых целиком зависит от их ежедневной работы, такая свобода обрекает полностью на произвол фабрикантов (курсив наш.—С. Л.); последние могут без всякого вреда для себя приостановить производство, а затем сократить зарплату рабочего до такого уровня, какой им заблагорассудится, хорошо зная, что рабочий под давлением высшего закона нужды неизбежно подчинится условиям, которые наниматель захочет ему навязать»⁵⁰. Итак, уже в конце XVIII века в Лионе, где контраст между «обеспеченной праздностью и обездоленностью труда»⁵¹ был особенно ярким, обращали внимание на те явления, которые впоследствии обобщались как характерные для капитализма в целом.

Таким образом, работы Бертолона и Мейе интересны для истории рабочего вопроса, хотя отнюдь не оригинальны. Однако именно это увеличивает их интерес. Они свидетельствуют о процессах, происходивших в капиталистической сфере хозяйства, и об отражении их в головах буржуазных идеологов, рядовых буржуа и рабочих.

Мы далеки от желания все упрощать, и в частности вульгаризировать всю сложность идеологических процессов. Мы хотели просто изложить микроскопический фрагмент непрерывного движения, в котором наблюдения участников производственных будней являются теми подпочвенными родниками, которые питают полноводные реки оформляющейся и оформлявшейся идеологии.

Ссылки на материалы к теме

С. Лотте. "Республиканское сословие": из истории французского предпролетариата XVIII в.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_fe-60.pdf

С. Лотте. «Дело Ревельона»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf

С. Лотте. К проблемам классовой борьбы в эпоху феодализма: классовая борьба в цехах

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte-2_cs-1933.pdf

С. Лотте. Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_cs_33.pdf

С. Сьтин. Рабочие организации во Франции накануне революции конца XVIII в.: историографический обзор

http://vive-liberta.narod.ru/journal/sytin_fe-74.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm>

Е. Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html

К. Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848. Французская революция

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

В. Маркова. Народное движение в Лионе

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion.pdf

⁴⁹ G o d a r d. Op. cit., p. 262—263.

⁵⁰ M. W a h l. Les premières années de la Révolution à Lyon (1788—1792). Paris, 1894, p. 24.

⁵¹ F. R u d e. C'est nous les Canuts. Lyon, 1953, p. 12.